
АЙРИС ТОРН
ХОРОШИЙ
муж
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Айрис Торн
Хороший муж

https://litres.ru/74713172
SelfPub; 2026

Аннотация

АДРИАН

Я подарил ей красивый дом, дорогие платья и любовь, о которой другие женщины могут только мечтать. Я заботился о ней, оберегал и прощал ошибки.

Вивьен упряма. Иногда приходится напоминать ей, как должна вести себя хорошая жена.

Но я терпелив. Однажды она поймёт, что мы созданы друг для друга.

Ведь я хороший муж.

ВИВЬЕН

Он называет это любовью. Я называю похищением.

Адриан целует меня после того, как причиняет боль, приносит цветы вместо извинений и ждёт благодарности за каждый прожитый день.

Я ненавижу его. Боюсь. Мечтаю сбежать.

Но чем дольше я живу в его доме, тем страшнее становится одна мысль.

Что, если однажды я перестану отличать его нежность от жестокости?

И даже когда он умрёт, я продолжу ждать его возвращения.

Содержание

Глава 1. Хорошие мужья не задают вопросов 6
Часть первая. Его правда 7
Глава 2. Искусство быть счастливой 26
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Айрис Торн
Хороший муж

Глава 1. Хорошие мужья не задают вопросов

Часть первая. Его правда

Адриан

Моя жена не любит, когда я смотрю, как она спит.

Я узнал об этом на третий день нашего совместного проживания, когда она проснулась раньше обычного и обнаружила меня в кресле напротив кровати.

Она закричала.

Довольно громко, надо признать.

Я даже испугался, что она повредит голосовые связки.

Вивьен вообще склонна преувеличивать. Особенно по утрам. Иногда мне кажется, что её организм воспринимает пробуждение как личное оскорбление, а моё присутствие лишь усугубляет ситуацию.

Впрочем, я не обижаюсь.

Любовь требует терпения.

Именно поэтому сегодня я решил не будить её поцелуем.

Вместо этого я спустился на кухню, приготовил завтрак и поставил в вазу свежие пионы.

Белые.

Её любимые.

По крайней мере, теперь.

Раньше Вивьен предпочитала красные розы, но я всегда находил в них нечто вульгарное. Слишком предсказуемые цветы. Их дарят любовницам, секретаршам и женщинам, пе-

ред которыми провинились.

Белые пионы гораздо честнее.

Они напоминают о чистоте намерений.

А мои намерения в отношении Вивьен всегда были исключительно серьёзными.

Дом я купил четыре года назад.

Трёхэтажный особняк в сорока минутах езды от города, окружённый соснами и невысокими холмами. Белый фасад, тёмная черепичная крыша, широкая веранда и окна от пола до потолка.

Предыдущие владельцы называли его «Уиллоу-Хаус».

Отвратительное название.

Дом не должен носить имя дерева.

Дом должен носить имя женщины, ради которой он существует.

Поэтому теперь я называю его просто нашим домом.

Вивьен пока отказывается делать то же самое.

Она говорит «этот дом».

Иногда «твой дом».

А однажды назвала его клеткой.

Последнее меня несколько огорчило.

Я потратил почти восемь месяцев на ремонт. Лично выбирал мебель, изучал каталоги тканей, заказывал итальянскую плитку для ванной и даже консультировался с дизайнером по поводу освещения.

Клетка.

Представляете?

За подобные слова некоторые мужчины могли бы рассердиться.

Я не из таких.

Мой отец часто говорил, что женщинам свойственно говорить вещи, которых они не имеют в виду.

Отец, конечно, был человеком довольно неприятным, но иногда даже неприятные люди оказываются правы.

В семь сорок пять я достал из духовки круассаны.

Один немного подгорел.

Я выбросил его.

Затем выбросил второй, поскольку он отличался по размеру от остальных.

Третий оказался слишком бледным.

В итоге на тарелке осталось четыре.

Вполне достаточно для двоих.

Я поправил салфетки, выровнял приборы и отошёл на несколько шагов, чтобы оценить сервировку.

Красиво.

Почти идеально.

Не хватало только Вивьен.

Я посмотрел на часы.

Семь пятьдесят две.

Обычно она спускается к восьми.

Иногда в восемь десять.

Однажды опоздала на сорок три минуты, и нам пришлось

провести довольно неприятный разговор о взаимном уважении.

С тех пор она старается быть пунктуальнее.

Видите?

Люди способны меняться, если дать им достаточно времени.

Я налил кофе в две чашки.

Себе чёрный, без сахара.

Ей с молоком.

Три недели назад она утверждала, что ненавидит кофе.

Вчера выпила почти половину.

Прогресс.

Маленькие победы заслуживают внимания.

Особенно в браке.

Меня зовут Адриан Вейл.

Мне тридцать четыре года.

Я работаю судебным психиатром.

Работаю, пожалуй, слишком много, хотя моя мать всегда считала трудолюбие единственным качеством, способным оправдать существование мужчины.

Она умерла, когда мне было двадцать семь.

Сердечный приступ.

Совершенно неожиданно.

По крайней мере, для неё.

Я же ещё за полгода до этого рекомендовал ей пройти обследование.

Она отказалась.

Мать вообще редко прислушивалась к моим советам.

Это было одной из причин наших разногласий.

Впрочем, о мёртвых принято говорить хорошо.

Поэтому скажу лишь, что она прекрасно готовила лимонный пирог.

На работе меня уважают.

Коллеги считают меня сдержанным, внимательным и рациональным человеком.

Пациенты иногда называют холодным.

Но люди, совершившие ужасные вещи, не всегда способны отличить холодность от профессиональной дистанции.

Я видел достаточно человеческого безумия, чтобы научиться распознавать его признаки.

И поверьте, безумие редко выглядит так, как показывают в кино.

Безумные люди не обязательно кричат, смеются без причины или разговаривают с невидимыми собеседниками.

Чаще они совершенно обычные.

Ездят на работу.

Покупают продукты.

Воспитывают детей.

Целуют супругов перед сном.

Именно поэтому я никогда не доверял внешним впечатлениям.

В особенности собственным.

Человек обязан регулярно проверять свои убеждения.

Я, например, каждое воскресенье выделяю час на анализ прошедшей недели.

Записываю ошибки.

Отмечаю успехи.

Размышляю о том, что мог бы сделать иначе.

В последнее время большая часть этих записей посвящена Вивьен.

Неудивительно.

Она самое важное, что когда-либо происходило в моей жизни.

В восемь три я услышал шаги.

Лёгкие.

Осторожные.

Я улыбнулся.

Вивьен всегда ходит так, словно боится разбудить кого-то невидимого.

Мне нравится эта её особенность.

В ней есть что-то трогательное.

Она появилась в дверном проёме в белом платье, которое я приготовил для неё вчера вечером.

Волосы распущены.

Лицо бледное.

Под глазами едва заметные тени.

Спала плохо.

Опять.

— Доброе утро, дорогая.

Она остановилась.

Посмотрела на меня.

Затем на стол.

Потом снова на меня.

— Доброе утро, — ответила она.

Тихо.

Почти шёпотом.

Я отодвинул для неё стул.

— Как спалось?

— Нормально.

Ложь.

Но совершенно безобидная.

Я предпочитаю не обращать внимания на подобные мелочи.

— Я приготовил твои любимые круассаны.

Она села.

Руки положила на колени.

— Спасибо.

Я поцеловал её в макушку.

Она вздрогнула.

Бедная девочка.

Нервная система всё ещё не восстановилась.

Я сел напротив.

Некоторое время мы завтракали молча.

Вивьен почти не притронулась к еде.

Зато выпила немного воды.

Я отметил это про себя.

Аппетит вернётся.

Главное не торопить события.

— Сегодня хорошая погода, — заметил я.

Она посмотрела в окно.

— Да.

— После обеда можем прогуляться по саду.

Её пальцы сжались вокруг стакана.

— Правда?

Я улыбнулся.

— Разумеется.

— А можно...

Она замолчала.

Я подождал.

Мне нравится, когда Вивьен самостоятельно формулирует свои желания.

Это помогает ей чувствовать себя увереннее.

— Что, дорогая?

— Можно мне выйти за ворота?

Я положил нож.

Очень аккуратно.

Затем промокнул губы салфеткой.

— Мы ведь уже обсуждали это.

Она опустила глаза.

— Я знаю.

— И к какому выводу мы пришли?

Молчание.

Я не стал повторять вопрос.

Иногда человеку необходимо несколько секунд, чтобы вспомнить очевидные вещи.

— Что пока рано, — наконец произнесла она.

— Именно.

Я снова взял нож.

— Но я очень рад, что ты интересуешься прогулками. Это хороший признак.

Она ничего не ответила.

Я решил сменить тему.

— Тебе идут белые платья.

— Спасибо.

— Думаю, стоит заказать ещё несколько.

— Не нужно.

Я поднял взгляд.

Она поспешно добавила:

— У меня уже достаточно одежды.

Я улыбнулся.

— Вивьен, дорогая, тебе не нужно беспокоиться о деньгах.

Она кивнула.

И снова посмотрела в окно.

Иногда мне кажется, что моя жена любит этот вид больше, чем меня.

Но я стараюсь не ревновать её к неодушевлённым предметам.

Это было бы нелепо.

В девять пятнадцать я отправился в кабинет.

Сегодня у меня не было назначенных встреч.

Я намеренно сократил рабочую нагрузку на ближайшие несколько месяцев.

Семья важнее карьеры.

Особенно молодая семья.

На столе лежала папка с документами, которые следовало изучить до понедельника.

Рядом стояла фотография.

Старая.

Слегка выцветшая.

На ней молодая женщина улыбалась, повернув голову к солнцу.

Светлые волосы.

Тонкая шея.

Небольшая родинка над верхней губой.

Я взял рамку.

Провёл большим пальцем по стеклу.

Некоторые люди появляются в нашей жизни, чтобы чему-то нас научить.

Другие, чтобы оставить после себя воспоминания.

А третьи нужны для того, чтобы мы наконец поняли, чего заслуживаем.

Я поставил фотографию обратно.

Затем открыл ежедневник.

Сегодня мне предстояло сделать несколько важных вещей.

Позвонить садовнику.

Оплатить счета.

Заказать новое постельное бельё.

Проверить результаты обследования Вивьен.

И поговорить с ней о вчерашнем вечере.

Последний пункт я подчеркнул.

Дважды.

Вчера вечером Вивьен плакала.

Я обнаружил её в ванной около одиннадцати.

Она сидела на полу, обхватив колени руками.

Когда я спросил, что случилось, она сказала, что хочет к матери.

Разумеется, я попытался её успокоить.

Объяснил, что взрослые люди рано или поздно покидают родительский дом.

Что брак предполагает определённую самостоятельность.

Что невозможно построить счастливую семью, постоянно оглядываясь назад.

Она не слушала.

Продолжала плакать.

Потом попросила телефон.

Я отказал.

Не из жестокости.

Боже упаси.

Просто некоторые решения необходимо принимать, руководствуясь здравым смыслом, а не эмоциями.

Вивьен сейчас слишком уязвима.

Ей требуется покой.

Предсказуемость.

Стабильность.

А её мать, насколько мне известно, женщина весьма эмоциональная.

Подобное общение могло бы свести на нет все наши достижения.

Я объяснил это Вивьен.

Несколько раз.

Но она почему-то только сильнее расстроилась.

В конце концов мне пришлось оставить её одну.

Иногда лучший способ помочь человеку успокоиться — предоставить ему возможность самостоятельно справиться с чувствами.

Утром она выглядела гораздо лучше.

Значит, решение было правильным.

В десять тридцать я услышал тихий стук.

— Войдите.

Дверь приоткрылась.

На пороге стояла Вивьен.

— Ты занят?

Я закрыл ежедневник.

— Для тебя у меня всегда найдётся время.

Она вошла.

Медленно.

Остановилась у книжного шкафа.

Несколько секунд рассматривала корешки книг.

Затем повернулась ко мне.

— Адриан?

— Да, любимая?

— Можно тебя кое о чём спросить?

Я улыбнулся.

— Разумеется.

Она сцепила пальцы.

Я заметил, что на большом пальце правой руки она снова ободрала кожу возле ногтя.

Нужно будет купить специальный крем.

— Ты ведь меня любишь?

Вопрос удивил меня.

Не содержанием.

Скорее интонацией.

Она произнесла его так, словно боялась услышать ответ.

Я встал.

Обошёл стол.

Остановился перед ней.

— Больше всего на свете.

Она сглотнула.

— Тогда почему...

Я терпеливо ждал.

— Почему ты не можешь просто отпустить меня?

Какой странный вопрос.

Я даже не сразу нашёлся с ответом.

Отпустить?

Куда?

Зачем?

От чего?

Я посмотрел на её лицо.

На дрожащие губы.

На глаза, полные слёз.

И вдруг понял.

Моя бедная девочка.

Она до сих пор не верит, что достойна любви.

Не верит, что кто-то способен остаться рядом, даже когда она ведёт себя невыносимо.

Я осторожно взял её за руки.

— Вивьен, посмотри на меня.

Она подняла глаза.

— Я никуда не собираюсь уходить.

Её лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я заметил.

— Ты не понимаешь, — прошептала она.

Я погладил её по щеке.

— Понимаю, дорогая. Гораздо лучше, чем ты думаешь.

Она закрыла глаза.

По щеке скатилась слеза.

Я вытер её большим пальцем.

— Всё будет хорошо.

Она не ответила.

Я притянул её к себе.

Некоторое время она стояла неподвижно.

Затем её руки медленно поднялись и легли мне на спину.

Я улыбнулся.

Вот видите?

Ей просто нужно было немного уверенности.

Вечером мы смотрели фильм.

Вивьен выбрала старую романтическую комедию.

Довольно посредственную, на мой вкус.

Мужчина и женщина знакомились при нелепых обстоятельствах, ссорились, мирились, а в финале признавались друг другу в любви посреди переполненного аэропорта.

Вивьен смотрела внимательно.

Особенно сцену, в которой героиня собирала чемодан.

Я заметил, что она слегка улыбнулась, когда женщина на экране захлопнула дверь перед лицом своего возлюбленного.

Забавно.

У каждого человека своё представление о романтике.

Когда фильм закончился, я выключил телевизор.

— Понравилось?

Она кивнула.

— Да.

— Мне тоже.

Это была неправда.

Но в браке иногда приходится идти на небольшие уступки.

Я поцеловал её в висок.

— Завтра у нас особенный день.

Вивьен напряглась.

— Какой?

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Ты забыла?

Она молчала.

— Дорогая, завтра ровно месяц, как мы вместе.

Её губы приоткрылись.

— Месяц?

— Да.

Я рассмеялся.

— Время летит, правда?

Она отвернулась.

Я решил, что она смущена.

— Я приготовил тебе подарок.

— Не надо.

— Вивьен.

Она посмотрела на меня.

— Не нужно ничего дарить, пожалуйста.

Я слегка нахмурился.

Не люблю, когда люди отказываются от подарков, даже не узнав, что находится внутри.

Это невежливо.

Но сегодня я был в хорошем настроении.

— Думаю, тебе понравится.

Она опустила голову.

— Хорошо.

Я обнял её за плечи.

Она не сопротивлялась.

Ещё один маленький успех.

Перед сном я заглянул в кабинет.

Открыл нижний ящик стола.

Достал тетрадь в тёмно-синей обложке.

Я веду её уже много лет.

Записываю важные события.

Впечатления.

Ошибки.

Выводы.

Память человека несовершенна. Со временем мы начинаем искажать прошлое, приукрашивать собственные поступки, забывать неприятные детали.

Поэтому я предпочитаю фиксировать факты сразу.

Сегодняшний день заслуживал отдельной записи.

Я открыл тетрадь на чистой странице.

Взял ручку.

И написал:

28 октября.

Сегодня Вивьен впервые сама пришла ко мне в кабинет.

Она спросила, люблю ли я её.

Я ответил честно.

Позже мы вместе смотрели фильм. Она позволила мне обнять себя.

В последнее время я замечаю значительные улучшения в её поведении.

Думаю, мы наконец начинаем понимать друг друга.

Я остановился.

Подумал немного.

Затем добавил:

Завтра наш первый маленький юбилей.

Надеюсь, на этот раз всё пройдёт хорошо.

Я перечитал написанное.

Закрыл тетрадь.

И убрал её в ящик.

На секунду мой взгляд задержался на фотографии женщины в серебряной рамке.

Я улыбнулся ей.

— Видишь? — тихо произнёс я. — Я учусь на своих ошибках.

Затем выключил свет.

В спальне меня ждала жена.

И я совершенно не понимал, почему некоторые люди счи-

тают, что любовь должна быть сложной.

На мой взгляд, всё предельно просто.

Когда любишь человека, делаешь всё возможное, чтобы он был счастлив.

Даже если сам человек пока не понимает, в чём заключается его счастье.

Глава 2. Искусство быть счастливой

Адриан

Вивьен разбила чашку.

Это произошло в четверг, в восемь часов семнадцать минут утра.

Я запомнил время не потому, что придаю особое значение разбитой посуде. Напротив, считаю подобные происшествия совершенно естественной частью совместной жизни. Люди роняют вещи, забывают выключать свет, оставляют мокрые полотенца на кровати. Даже самые воспитанные из нас порой ведут себя неразумно.

Я запомнил время потому, что ровно в восемь двадцать у меня должна была начаться видеоконсультация.

А Вивьен прекрасно об этом знала.

Я стоял у кофемашины, когда услышал звон фарфора. Обернувшись, увидел жену возле кухонного острова. Она замерла, глядя на белые осколки, рассыпавшиеся по мраморному полу.

— Прости, — сказала она.

Я поставил чашку.

— Ты поранилась?

Она покачала головой.

— Нет.

— Тогда всё хорошо.

Я подошёл ближе.

Вивьен отступила.

Не слишком заметно, всего на полшага, но я обратил внимание.

Последнее время она часто так делала.

Вероятно, ей всё ещё трудно привыкнуть к физической близости. Некоторые женщины обладают повышенной чувствительностью к прикосновениям, особенно после эмоционально тяжёлых периодов.

Я решил не заострять на этом внимание.

— Отойди, дорогая. Здесь осколки.

Она послушалась.

Я достал щётку и совок.

Пока собирал фарфор, Вивьен стояла у холодильника и наблюдала за мной.

— Я могу сама, — предложила она.

— Не нужно.

— Адриан, я просто уронила чашку.

Я поднял голову.

— Я вижу.

Она прикусила губу.

— Тогда почему ты смотришь на меня так?

Любопытный вопрос.

— Как именно?

— Будто я сделала что-то ужасное.

Я выпрямился.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Вивьен была красивой женщиной. Особенно по утрам, когда ещё не успевала спрятать лицо за выражениями, которые, как ей казалось, должны были защитить её от окружающего мира.

У неё были тёмно-каштановые волосы, серо-зелёные глаза и удивительно тонкие запястья.

Последнее я заметил ещё при нашем первом знакомстве.

Некоторые люди обращают внимание на улыбку. Другие на грудь, ноги или манеру говорить.

Я всегда смотрю на руки.

Руки многое рассказывают о человеке.

Вивьен, например, постоянно теребила пальцами края одежды. Когда нервничала, тёрла большим пальцем костяшку указательного. Когда злилась, сжимала кулаки, но никогда не замечала этого.

Сейчас её пальцы были неподвижны.

— Я не сержусь, — объяснил я.

— Хорошо.

— Однако мне неприятно, что ты предполагаешь обратное.

Она опустила глаза.

— Прости.

— Не стоит извиняться за свои чувства. Просто постарайся в следующий раз не делать поспешных выводов.

Я выбросил осколки.

Когда повернулся, Вивьен уже стояла возле раковины.

Она смотрела на окно.

За стеклом начинался дождь.

— Ты сегодня уедешь? — спросила она.

— Нет. У меня две консультации из дома.

— А завтра?

— Завтра поеду в клинику.

Она кивнула.

Я заметил, как изменилось выражение её лица.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы понять: эта новость её обрадовала.

Я улыбнулся.

Приятно, когда жена интересуется твоим расписанием.

Это означает, что она постепенно начинает воспринимать вашу жизнь как общую.

Моя первая пациентка в тот день страдала выраженной тревожностью.

Ей было сорок два года. Она пережила тяжёлый развод, испытывала сложности со сном и постоянно ожидала, что окружающие причинят ей вред.

Мы беседовали почти час.

Она рассказывала о бывшем муже, который проверял её телефон, запрещал встречаться с некоторыми друзьями и

требовал подробных объяснений, если она задерживалась после работы.

Я слушал внимательно.

Не перебивал.

Делал записи.

— Мне кажется, я больше никогда никому не смогу доверять, — сказала она в конце.

— Доверие не возникает по приказу, — ответил я. — Оно формируется постепенно, когда человек убеждается, что его границы уважают.

Она заплакала.

Я протянул ей салфетку.

Люди часто плачут, когда слышат очевидные вещи, которые прежде никто не удосужился им объяснить.

После консультации я некоторое время сидел за столом.

Думал о доверии.

В частности, о том, насколько странно люди трактуют это понятие.

Они требуют абсолютной свободы, но одновременно хотят чувствовать себя защищёнными.

Желают самостоятельности, но обижаются, когда партнёр не помогает им принимать решения.

Утверждают, что ценят честность, но предпочитают приятную ложь неприятной правде.

Человеческая природа полна противоречий.

Именно поэтому отношения требуют определённой

структуры.

В нашей с Вивьен семье эта структура постепенно формировалась.

Разумеется, не без трудностей.

Но разве бывает иначе?

В половине двенадцатого я спустился вниз.

Вивьен сидела в гостиной с книгой.

Увидев меня, она закрыла её.

Слишком быстро.

Я заметил.

— Что читаешь?

— Роман.

— Какой?

Она показала обложку.

«Джейн Эйр».

Я одобрительно кивнул.

— Хороший выбор.

— Ты читал?

— Разумеется.

Она провела пальцем по краю страницы.

— Мне нравится Джейн.

— Почему?

Вивьен немного подумала.

— Она уходит, когда понимает, что не может остаться.

Я посмотрел на неё.

— Любопытная интерпретация.

— А тебе кто нравится?

— Рочестер.

Она нахмурилась.

— Серьёзно?

— Безусловно. Сложный, противоречивый мужчина. Совершает ошибки, но способен на глубокое чувство.

— Он скрывал от неё жену.

— Да.

— Держал её взаперти.

— Берту? — уточнил я.

— Да.

Я сел в кресло напротив.

— Ситуация была несколько сложнее, Вивьен.

— Он всё равно держал её запертой.

— Потому что считал её опасной.

— И это делает его правым?

Я улыбнулся.

Мне нравилось, когда жена проявляла интерес к литературе.

— Не обязательно. Но прежде чем осуждать человека, стоит разобраться в обстоятельствах.

Она долго смотрела на меня.

Потом тихо спросила:

— А если обстоятельства известны только ему?

Я задумался.

Вопрос был хорошим.

Действительно хорошим.

— Тогда окружающим остаётся либо доверять ему, либо признать, что они не располагают достаточной информацией для оценки его поступков.

Вивьен опустила взгляд на книгу.

— Понятно.

— Но мне нравится, что ты размышляешь над прочитанным.

Она ничего не ответила.

Я встал, подошёл к книжному шкафу и достал небольшой томик в тёмно-зелёном переплёте.

— Попробуй потом прочитать это.

Она взглянула на обложку.

«Ребекка».

— Спасибо.

— Думаю, тебе понравится.

Вивьен осторожно взяла книгу.

Я обратил внимание, что её пальцы дрожат.

— Ты замёрзла?

— Нет.

— Уверена?

— Да.

Я посмотрел на термостат.

Двадцать два градуса.

Вполне комфортно.

Впрочем, Вивьен всегда была чувствительна к холоду.

Я решил заказать ей ещё один кардиган.

После обеда мне позвонила Элеонора.

Моя старшая сестра.

Единственный человек в семье, с которым я поддерживал регулярное общение после смерти матери.

Элеоноре сорок один год. Она замужем за адвокатом, воспитывает двух сыновей и обладает редким талантом превращать любой разговор в допрос.

— Адриан, ты опять не отвечал на сообщения.

— Я работал.

— Три дня?

— Некоторые люди действительно работают несколько дней подряд.

Она проигнорировала замечание.

— Как Вивьен?

Я посмотрел в сторону гостиной.

Жена сидела у окна.

— Прекрасно.

— Я хочу с ней познакомиться.

— Обязательно познакомишься.

— Ты говоришь это уже месяц.

— Потому что месяц ещё не прошёл.

Сестра вздохнула.

— Ты невозможен.

— Мне часто это говорят.

— Адриан, я серьёзно.

Я открыл холодильник.
Достал бутылку минеральной воды.
— Я тоже.
— Почему ты не пригласишь нас на ужин?
— Вивьен пока не готова к гостям.
— Она сама тебе это сказала?
Я закрыл холодильник.
— Элеонора.
— Что?
— Не начинай.
На другом конце провода повисла пауза.
— Я просто хочу убедиться, что у тебя всё хорошо.
— У меня всё замечательно.
— Ты почти ничего не рассказываешь о ней.
— Я не обсуждаю личную жизнь с посторонними.
— Я твоя сестра.
— Именно поэтому ты знаешь больше остальных.
Элеонора помолчала.
— Она хотя бы счастлива?
Я посмотрел на Вивьен.
Она подняла голову, словно почувствовала мой взгляд.
Я улыбнулся ей.
Она не ответила.
— Конечно, — сказал я.
Сестра тяжело выдохнула.
— Ладно. Передай ей привет.

— Непременно.

— И, Адриан?

— Да?

— Не повторяй старых ошибок.

Я почувствовал лёгкое раздражение.

Совсем незначительное.

Скорее усталость.

— До свидания, Элеонора.

И завершил разговор.

У моей сестры есть неприятная привычка возвращаться к событиям, которые давно утратили актуальность.

В детстве она постоянно напоминала мне о разбитой вазе, хотя я неоднократно объяснял, что не собирался её разбивать.

В подростковом возрасте вспоминала драку с одноклассником, хотя тот первым позволил себе оскорбление.

В университете обвиняла меня в излишней настойчивости по отношению к одной девушке.

И вот теперь снова.

Старые ошибки.

Люди произносят эти слова с таким удовольствием, словно человеческая жизнь представляет собой список проступков, который необходимо зачитывать при каждом удобном случае.

Я не отрицаю, что ошибался.

Все ошибаются.

Но разница между зрелым человеком и инфантильным заключается в способности извлекать уроки.

Я извлёк.

Именно поэтому с Вивьен всё будет иначе.

В четыре часа дня я предложил жене прогуляться.

Дождь закончился, оставив после себя запах мокрой земли и хвои.

Вивьен надела серый кардиган поверх платья.

Я помог ей застегнуть пуговицы.

Она стояла неподвижно, глядя куда-то мне за плечо.

— Ты сегодня очень красивая, — сказал я.

— Спасибо.

— Тебе следует чаще улыбаться.

Она попыталась.

Получилось не слишком убедительно.

Но я оценил старание.

Мы вышли на веранду.

Воздух был прохладным.

Солнце пробивалось сквозь облака, освещая верхушки сосен.

Я вдохнул полной грудью.

Люблю осень.

В ней есть особая честность.

Деревья не притворяются вечнозелёными. Цветы не пытаются пережить заморозки. Природа спокойно избавляется от всего, что больше не способно существовать в прежнем

виде.

Людям стоило бы у неё поучиться.

— Пойдём к пруду? — предложил я.

Вивьен кивнула.

Мы спустились по каменным ступеням.

Она шла рядом, держа руки в карманах.

Я рассказывал о деревьях, которые посадил прошлой весной, о новых фонарях вдоль дорожки и о том, что собираюсь построить небольшую беседку.

Вивьен слушала.

Иногда задавала вопросы.

В основном о территории.

— А лес за забором тоже твой?

— Часть.

— Большая?

— Достаточно.

— А там есть дорога?

Я посмотрел на неё.

— Зачем тебе дорога?

Она пожала плечами.

— Просто интересно.

— Есть старая служебная дорога. Но ею давно никто не пользуется.

— Она ведёт в город?

— Вивьен.

Она замолчала.

Я остановился возле пруда.

На поверхности воды плавали жёлтые листья.

— Дорогая, мне кажется, ты опять слишком много думаешь о внешнем мире.

Она посмотрела на меня.

— А о чём мне ещё думать?

Я рассмеялся.

— О чём угодно. У тебя столько возможностей.

— Например?

Я указал на сад.

— Можешь заняться цветами. Или живописью. Ты ведь говорила, что раньше любила рисовать.

— У меня нет красок.

— Купим.

— А если я хочу просто погулять?

— Мы ведь гуляем.

Она отвернулась.

Я взял её под руку.

— Вивьен, я не понимаю, почему ты постоянно ищешь причины для недовольства.

— Я не ищу.

— Тогда в чём дело?

Она долго молчала.

Затем произнесла:

— Я скучаю по своей жизни.

Я почувствовал укол жалости.

Бедная девочка.

Перемены даются ей гораздо тяжелее, чем я предполагал.

— Это естественно, — сказал я. — Но нельзя всю жизнь цепляться за прошлое.

Она посмотрела на меня.

— Ты говоришь так, будто моя жизнь закончилась.

Я улыбнулся.

— Нет, дорогая. Она только началась.

На обратном пути Вивьен попросила разрешения пройти к воротам.

Я согласился.

Не вижу ничего плохого в любопытстве.

Мы подошли к высоким металлическим створкам, украшенным коваными листьями.

За ними начиналась узкая асфальтированная дорога.

Вивьен остановилась.

Долго смотрела сквозь прутья.

Я стоял рядом.

Не торопил.

Иногда человеку необходимо самостоятельно убедиться, что за пределами привычного пространства нет ничего особенно интересного.

— Там кто-нибудь ездит? — спросила она.

— Иногда.

— Соседи?

— В основном.

Она приблизилась к воротам.

Положила ладонь на холодный металл.

Я заметил, что она слегка дрожит.

— Адриан?

— Да?

— А если я захочу уехать?

Я задумался.

Не потому, что вопрос оказался сложным.

Просто мне хотелось подобрать слова, которые не причинят ей лишней боли.

— Тогда мы обсудим, почему у тебя возникло такое желание.

— А если я всё равно захочу?

Я посмотрел на её профиль.

Красивый.

Упрямый.

Совсем как у...

Я оборвал мысль.

Не стоит сравнивать женщин.

Особенно тех, кого любишь.

— Вивьен, — произнёс я мягко, — зачем тебе думать о том, чего не произойдёт?

Она повернулась.

— Откуда ты знаешь, что не произойдёт?

Я улыбнулся.

— Потому что я знаю тебя.

Её глаза наполнились слезами.

Я нахмурился.

— Что случилось?

Она покачала головой.

— Ничего.

— Тогда почему ты плачешь?

— Я не плачу.

По щеке скатилась слеза.

Я осторожно вытер её.

— Дорогая, не нужно стыдиться своих эмоций.

Она закрыла глаза.

Я обнял её.

И почувствовал, как сильно колотится её сердце.

Невероятно.

Даже спустя месяц моя близость всё ещё вызывала у неё такую бурную реакцию.

За ужином Вивьен почти не разговаривала.

Я приготовил лосося с овощами и лимонным соусом.

Она съела половину порции.

Для неё это было неплохим результатом.

Я рассказал о разговоре с сестрой.

— Элеонора хочет с тобой познакомиться.

Вивьен подняла голову.

— Правда?

— Да.

— А когда?

— Пока не решили.

— Она может приехать?

Я улыбнулся.

— Конечно. Когда-нибудь.

Вивьен положила вилку.

— А завтра?

Я посмотрел на неё.

— Завтра?

— Да. Может, пригласим её завтра?

— У нас годовщина.

— Она ведь твоя сестра.

— Именно поэтому поймёт, что мы хотим провести этот день вдвоём.

Вивьен замолчала.

Я отпил воды.

— Кстати, ты уже подумала, что хотела бы получить в подарок?

Она медленно покачала головой.

— Мне ничего не нужно.

— Не скромничай.

— Правда.

— Может быть, украшение?

— Нет.

— Новую одежду?

— Нет.

Я рассмеялся.

— С тобой невозможно.

Она смотрела на скатерть.

— Адриан?

— Да?

— Можно мне позвонить маме?

Я поставил стакан.

Посмотрел на жену.

Второй раз за два дня.

Мы уже обсуждали этот вопрос.

Подробно.

Я объяснял причины, приводил аргументы, предлагал альтернативы.

И вот теперь она снова возвращалась к началу.

Иногда мне кажется, что Вивьен намеренно проверяет моё терпение.

— Дорогая, — сказал я, — давай не будем портить вечер.

— Я просто хочу услышать её голос.

— Я понимаю.

— Тогда почему...

— Вивьен.

Она замолчала.

Я выдержал небольшую паузу.

Не люблю повышать голос.

Считаю это признаком слабости.

— Мы договорились, что ты не будешь возвращаться к этому вопросу, пока не почувствуешь себя лучше.

Она посмотрела на меня.

— Я не договаривалась.

Я нахмурился.

— Что?

— Я не соглашалась.

Несколько секунд я молчал.

Затем аккуратно сложил салфетку.

— Мне кажется, ты устала.

— Нет.

— Тогда почему разговариваешь со мной в таком тоне?

— В каком?

Я посмотрел на часы.

Девятнадцать сорок шесть.

День начинался прекрасно.

Мне не хотелось заканчивать его ссорой.

— Думаю, тебе стоит отдохнуть, — произнёс я.

Вивьен не двигалась.

— Ты можешь идти, дорогая.

Она медленно поднялась.

Отодвинула стул.

На секунду мне показалось, что она собирается что-то сказать.

Но передумала.

И вышла из столовой.

Я остался один.

Посмотрел на её недоеденный ужин.

На аккуратно сложенную салфетку.

На бокал, которого она почти не коснулась.

Неприятно.

Очень неприятно.

Я столько старался ради этого вечера.

Но иногда любовь требует умения прощать.

Я убрал со стола.

Вымыл посуду.

Протёр столешницу.

Затем открыл бутылку вина.

Налил себе немного.

И отправился в кабинет.

Я всегда считал, что счастливые отношения строятся на трёх вещах.

Уважении.

Доверии.

Благодарности.

Уважение означает готовность учитывать чувства партнёра.

Доверие означает отсутствие необходимости постоянно подвергать его решения сомнению.

А благодарность...

Благодарность, пожалуй, важнее всего.

Человек должен понимать, сколько для него делают.

Иначе рано или поздно он начнёт воспринимать любовь как должное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.